

А. Н. Демьяненко

УСТОЙЧИВОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ НА ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ (о книге П. Я. Бакланова и С. С. Ганзей «Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования»)

Приступая к рецензии, автор испытывал двойственные чувства: П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей — известные, и не только в России, исследователи, много и небезуспешно работавшие над решением проблем устойчивого природопользования, в том числе и на трансграничных территориях. В то же время ряд теоретико-методологических посылок и вытекающих из оных рекомендаций практического характера вызывали у автора рецензии активное несогласие. По этим причинам предлагаемый читателям журнала текст — не только рецензия, но и попытка обсудить тот круг проблем, который заявлен П. Я. Баклановым и С. С. Ганзеем [2]¹.

Итак, прежде всего о цели рецензируемой работы, которая была сформулирована авторами следующим образом: «географический анализ трансграничных территорий для разработки научных основ программ устойчивого природопользования в приграничных районах соседних стран» (2, с. 5).

© Демьяненко А. Н., 2009

¹ Отметим, что за последние годы авторы рецензируемой работы и вместе и по отдельности неоднократно обращались к заявленной теме, что дает основание рассматривать рецензируемую работу как в некотором роде итоговую (см., напр.: [1; 3; 5] и др.).

И сразу же формулируется своего рода исходная методологическая позиция: «Обоснование политики устойчивого природопользования невозможно без изучения природной основы трансграничных территорий — природных геосистем, их природно-ресурсного потенциала, хозяйственной деятельности и экологических последствий антропогенного пресса на ландшафты трансграничной территории» (2, с. 5).

По большому счету первые две главы «Теоретические основы исследования трансграничных территорий» и «Выделение трансграничных территорий» представляют собой детальное обоснование означенной выше методологической позиции.

Начинают П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей с констатации хорошо известного факта: терминологической неразберихи, которая помимо всего прочего свидетельствует о больших проблемах в понимании того, что есть «трансграничные территории», «геосистемы», ландшафты, наконец, «политика устойчивого природопользования». И хотя, как это было отмечено выше, авторы ограничивают себя «географическим анализом» перечисленных явлений и процессов, междисциплинарный характер проблемы неизбежно выводит их за очерченные ими самими рамки. Подтверждением тому служит следующее положение: «Все шире стали использоваться понятия «трансграничная территория, регион» и «приграничная территория, район», но зачастую в них вкладывается далеко не одинаковый смысл. Это связано с нечетким определением их содержания, свойств, функций и типов. Данный вопрос имеет не только научное, но и большое практическое значение, поскольку с ним связаны определенные экономические и геополитические действия государства и региональных властей. Для таких территорий определяются специфические приоритеты и ограничения в социально-экономической и экологической политике» (2, с. 8).

Далее следует теоретическое положение: «Если между двумя точками (пунктами) территории установлены существенные различия по ряду географических характеристик, то географическая граница между участками территории с разными характеристиками проходит через определенный отрезок, а не через точку. Это положение доказывает, что географическая граница — это некоторая зона, пояс, полоса, но не линия» (2, с. 8). По мнению автора рецензии, это положение требует детального рассмотрения, хотя бы в силу того, что в последующих построениях теоретического, а затем и прикладного характера оно играет значительную роль. Но об этом ниже.

Сейчас же продолжим следить за логикой П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея, в которой независимо от того, имеем мы дело с границами природными или установленными человеком, «существуют не разделительные линии, а некоторые переходные зоны, пояса, полосы, которые даже не всегда удает-

ся однозначно выделить на местности» (2, с. 9). И так как географические границы выполняют «и функции разделения, и функции связи соседних различающихся между собой структур, территорий», то из этого, по мнению авторов, следует, что «географические структуры, как природные, так и пространственные социально-экономические, прилегающие к одной и той же географической границе, выделяются нами как контактные географические структуры. Чаще всего они в той или иной мере пересекаются между собой в зоне географической границы, в ее структуре» (2, с. 10). И, наконец, «в качестве специфических контактных географических структур можно рассматривать и территории, прилегающие к государственной границе», которые «при усилении связей и взаимодействий между контактными структурами или их отдельными звеньями формируются достаточно устойчивые связанные структуры по обе стороны от границы — трансграничные географические структуры» (2, с. 11).

Здесь сделаем паузу и посмотрим, какие еще есть суждения относительно географических границ. Для начала приведем суждение В. П. Семенова-Тян-Шанского: «Будем называть границей всякое вообще место смены географических явлений. Рубежом назовем границу резкую, где одно явление сразу обрубается, обрывается, чтобы уступить место другому. Границу же нерезкую, где одно явление, постепенно сменяясь, уступает место другому, назовем пределом» [12, с. 9–10].

Итак, есть «теоретическое положение» П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея, а есть мнение В. П. Семенова-Тян-Шанского, которое представляется рецензенту как минимум более понятным и точным. Но, может быть, Вениамин Петрович был одинок в понимании природы географических границ?

Отнюдь, ибо, если мы обратимся к А. Геттнеру, то обнаружим следующее: «Фигура и величина границ имеют значение лишь постольку, поскольку они указывают на распространение сразу и явления и действующей причины. До тех пор, пока мы будем обращать внимание только на однородность или неоднородность явлений, мы не будем в состоянии говорить собственно о расчленении, которое всегда предполагает взаимоотношение частей, а только о пространственном распределении явлений» [6, с. 251].

Если мы теперь вновь обратимся к «теоретическому положению», то оно имеет отношение исключительно к «пространственному распределению явлений» и не более того, но не к «смене географических явлений» и тем более не к смене «явлений и действующих причин». Здесь следует отметить, что и В. П. Семенов-Тян-Шанский, и А. Геттнер, рассуждая о границах, имеют в виду районы как территориальные системы, и в этой связи не важно, как они их называют: районами, странами и т. д.

Теперь стоит прояснить вопрос о том, могут ли границы между районами

(физико-географическими или социально-экономическими) иметь линейный характер или же всегда, как это следует из «теоретического положения», граница есть «зона, пояс, полоса, но не линия».

Опять-таки, начнем с классики: «Всякая граница условна, приближительна. Но необходимо ли стремиться к объективной точности границ? Мы думаем что — нет. В громадном подавляющем большинстве случаев для нас важнее район в целом, а не относительно узкая переходная полоса. И, говоря о районе, мы обыкновенно имеем в виду определенный массив» [10, с. 19].

Справедливости ради отметим, что речь идет об экономических районах, — это во-первых, и, во-вторых, Б. Н. Книпович все-таки оставляет право на существование и узким переходным полосам. Итак, констатируем, что опыт экономического (прежде всего сельскохозяйственного) районирования начала XX в. оставляет возможность существования, в качестве исключения, «зон, поясов и полос».

Другой подход, который опирается на исключительно богатый эмпирический материал по торговле и промышленности России начала XX в., был сформулирован В. П. Семеновым-Тян-Шанским: «Нерезкость границ зональных торгово-промышленных полос естественно обуславливает существование отдельных районов или целых групп и подгрупп районов более или менее метазонального (переходного) характера» [11, с. 17].

Возникает законный вопрос: каким образом все вышесказанное имеет отношение к «контактным структурам» и «трансграничным географическим структурам, как разновидности контактных», выделяемым П. Я. Баклановым и С. С. Ганзеєм?

Для этого вновь вернемся к тесту рецензируемой монографии: «В понятие контактных структур вкладывается реальное или потенциальное взаимодействие территорий и их природных или социально-экономических звеньев, расположенных по обе стороны границы, реальные либо потенциальные формы целостности, связанности, общности территорий и их природных или социально-экономических звеньев, расположенных по обе стороны границы» (2, с. 12). Иначе говоря, речь идет о возможностях реализации функции связи географической границы как в природном, так и в социально-экономическом отношении.

Что же касается трансграничных географических структур, то они выделяются из контактных, «когда существенно и устойчиво взаимодействующие звенья последних образуют новую целостную географическую структуру, пересекаемую географической границей» (2, с. 11–12). Но если потенциал функции связи границы реализован, то мы вправе рассматривать при определенных условиях границу как фактор районообразования. Но о районировании, районообразовании и районах пока речи нет, есть лишь «территориальные

структуры» и «звенья», что при многозначности этих терминов, особенно последнего, мало что проясняет.

Если к этому присовокупить «территории», то ситуация становится, как минимум, сложной. Приведем в этой связи определение приграничной территории: «это территории, непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и соседней страны и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества. Его можно назвать специфическим потенциалом приграничья» (2, с. 13–14).

Не хочется придираться к словам, но «территория» — это что? Как этот термин соотносится с уже устоявшимися понятиями географической науки? Следует его понимать как отказ, скажем, от термина «район» и т. д. Более того, почему потенциал пограничья работает исключительно на развитие и международное сотрудничество? Хорошо известны случаи, когда границы, в том числе и государственные, вызывали прямо противоположные эффекты.

Все эти ответы остаются вне рассмотрения, что никоим образом ни хорошо и ни плохо, это — констатация факта.

Тем более что авторы последовательно проводят свою логику: «В процессе многостороннего взаимовлияния и взаимодействия приграничных территорий двух соседних стран происходит формирование особой достаточно целостной структуры — международной трансграничной территории» (2, с. 15).

И все же международная трансграничная территория, «как правило, не является целостной географической системой, так как одна из ее границ, совпадающая с государственной, проведена искусственно и не отражает закономерного изменения структуры и типа функционирования природной среды» (2, с. 16).

И тем не менее «международная трансграничная территория — это, как правило, комплексная географическая структура, сочетающая в себе определенные природные ресурсы, объекты инфраструктуры, расселения населения, а также его хозяйственную деятельность в границах крупной геосистемы» (2, с. 17).

Теперь вслед за авторами оставляем на время международные трансграничные территории и возвращаемся к трансграничным географическим структурам и соответствующим им территориям. Для всех шести типов трансграничных географических структур, по мнению П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея, характерно наличие следующих свойств:

1) *двухзвенность* — наличие двух различающихся звеньев по обе стороны границы, при этом «отдельным звеньям присуща определенная самостоятельность в динамике и развитии, а парным звеньям — определенная целостность» (2, с. 21);

2) в силу неодинаковых уровней сходства и различий однородных характеристик приграничных территорий по разные стороны границы имеет место *трансграничная природная, природно-ресурсная и социально-экономическая дифференциация*;

3) *трансграничная асимметрия природопользования*;

4) *эмерджентность*, т. е. «приобретение геосистемой новых свойств, поддерживающих или нарушающих состояние ее устойчивого функционирования» (2, с. 25).

И опять возникает определенный разнобой (или невнятность) в терминологии: одно и то же явление (или почти одно и то же) определяется и как трансграничная географическая структура, и как международная трансграничная территория. При этом, не будучи, как было сказано выше, системой, она обладает имманентно присущим системам свойством — эмерджентностью.

Скорее всего, определенная терминологическая невнятность имеет вполне объективный характер — крайнюю сложность самого объекта исследования процессов формирования и функционирования трансграничных геосистем и вписанных в них территориальных социально-экономических систем.

И с чем рецензент согласен полностью, так это с тем, что при исследовании «международной трансграничной территории как сложной природно-антропогенной системы необходим комплексный подход, основанный на сочетании структурного, эволюционного и функционального анализа» (2, с. 25).

Теперь переходим ко второй главе «Выделение трансграничных территорий». Исходная теза, положенная авторами в основу выделения трансграничных, и в том числе международных трансграничных территорий, сформулирована ими следующим образом: «Наиболее полной в структурно-функциональном отношении является геосистема, содержащая в себе не только природную составляющую, но и человека вместе с материальными результатами его деятельности» (2, с. 29–30).

Увы, но авторы рецензируемой работы, используя в своем исследовании термин «геосистема», введенный, как известно, В. Б. Сочавой, судя по всему, не придали значения тому, что В. Б. Сочава считал, что «раздельная трактовка природных геосистем и территориальных систем населения и анализ их взаимосвязей сулит более конструктивные выводы практического порядка, нежели понимание геосистем... в качестве единого географического комплекса, сочетающего в себе природу, население и хозяйство». Более того, он полагал, что «сопоставление природного (условия и ресурсы) потенциала геосистем с перспективами развития территориально-производственного комплекса дает значительно больше для организации производственного процесса, чем тотальная их трактовка» [13, с. 10, 11].

На первый взгляд — не более чем игра в слова. Но вовсе не случайно А. Г. Исаченко в ходе недавней дискуссии на страницах «Известий Русского Географического общества» последовательно отстаивал не слово «геосистема», а вполне четко определенный В. Б. Сочавой методологический подход [7; 8; 9].

Итак, констатируем, что «геосистема» П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея — это не совсем то, что вкладывал в это понятие В. Б. Сочава, что не есть ни хорошо и ни плохо. В конце концов, ни у кого нет монополии на использование того или иного термина.

Далее П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей, исходя из признания комплексной природы объекта исследования, демонстрируют возможности различных методологических подходов к выделению трансграничных территорий. Таковых они выделили три: физико-географический, экономико-географический и природно-хозяйственный.

Наиболее интересны, по нашему мнению, два последних, естественно, что и они небесспорны.

Итак, экономико-географический подход в контексте выделения трансграничных территорий предполагает, по мнению авторов монографии, использование двух взаимосвязанных концепций территориально-производственного комплексообразования и экономического районирования.

При этом обращает на себя внимание ряд интересных положений, которые, возможно, и не блещут новизной (но на это авторы и не претендуют), но, несомненно, заслуживают внимания.

Во-первых, «в условиях приграничной территории комплексообразование может выходить во внешнеэкономические сферы через те или иные трансграничные звенья. В ряде случаев представляется возможным и эффективным использование инфраструктурных, энергетических или других потенциальных структур соседней страны» (2, с. 48).

Во-вторых, комплексообразование на локальном уровне, в том числе и в пределах трансграничных территорий, неизбежно приводит к формированию центра, ядра комплексообразования.

В-третьих, общая схема экономического районирования включает следующую последовательность действий:

- выделение центров или ядер экономического районообразования, существующих или формирующихся на приграничной территории, в качестве которых выступают: а) крупные хозяйственные центры и б) небольшие промышленные и транспортные узлы, где реализуются процессы локального комплексообразования;
- выделение зон интегральной связанности и рыночного влияния центров, ядер районообразования, в том числе и выходящих за пределы страны;

- определение тенденций в комплексообразовании и в изменениях интегральных зон связанности и рыночного влияния в перспективе, т. е. анализ основных тенденций развития территориальных структур хозяйства, в том числе трансграничных звеньев, и комплексообразования на локальных и районных уровнях;

- территориальное разграничение процессов комплексообразования и районообразования и выделение экономических районов по рубежам наибольшей связанности и рыночного влияния (2, с. 52).

В-четвертых, «в любом случае в соответствии со сложным сетевым характером современных территориальных структур хозяйства всегда будет то или иное пересечение соседних экономических районов. Такое пересечение происходит именно через отдельные, в том числе трансграничные, структурные звенья территориальных структур хозяйства» (2, с. 52–60).

Что же касается природно-хозяйственного подхода к выделению трансграничных территорий, то исходная теза формулируется П. Я. Баклановым и С. С. Ганзей следующим образом: «Международная трансграничная территория, объединяя в себе структуры природно-территориальных комплексов (геосистем) и экономических районов, является, по сути, сочетанием природно-хозяйственных районов. В то же время в природно-хозяйственном районе отражаются взаимосвязи и взаимодействия природы и общества в рамках регионального природопользования» (2, с. 56)¹.

С этим положением можно соглашаться, а можно и не соглашаться. Для нас сейчас важнее другое: алгоритм выделения трансграничных территорий в рамках природно-хозяйственного подхода.

В общем виде П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей предлагают следующую последовательность действий: «Первым шагом при выделении трансграничных территорий является выделение трансграничных геосистем региональной размерности и последующее сопоставление их с границами экономических районов соответствующего ранга в обеих соседних странах» (2, с. 61). Отметим, что в этом случае трактовка термина «геосистема» авторская. Поэтому вполне возможно, что «затем экономические районы совмещаются с одноранговыми природными районами (физико-географическими провинциями). Зоны их пересечения составляют ядро двух природно-хозяйственных районов. При этом выделяются и непересекающиеся части экономического и природного районов» (2, с. 62).

Что же касается структуры природно-хозяйственного района, то она видится авторам рецензируемой монографии следующим образом: «ядро — как зона пересечения двух равноценных районов; периферийная зона пересече-

¹ Отметим, что в этом случае термин «геосистема» трактуется иначе, чем то было на с. 29–30.

ния части рассматриваемого экономического района с более дробными природными районами соседних геосистем; периферийная зона непересекающихся природных районов» (2, с. 62–63).

Третья глава «Бассейновые геосистемы в условиях трансграничности» представляет своего рода переход от теоретических построений к разработке практических мер программного характера по регулированию природопользования в условиях трансграничности конкретного региона. В качестве такового авторы рассматривают бассейн р. Амур. Но прежде они рассматривают особенности и принципы природопользования в трансграничных бассейнах.

Можно понять желание авторов рассматривать бассейн Амура как геосистему, но при этом было бы совсем не лишним обосновать критерии выделения. Тем более что «бассейновый» подход не был рассмотрен как некая методологическая основа выделения трансграничных территорий. Это тем более необходимо, что в физико-географическом отношении бассейн Амура представляет крайне разнородную территорию. В ее пределах различные авторы выделяют по несколько физико-географических стран, не говоря уже о природных комплексах более низких таксономических уровней. Кроме того, далеко не вся территория бассейна Амура может быть отнесена к категории «международных трансграничных территорий».

Тем не менее авторам удалось сформулировать наиболее характерные последствия влияния трансграничности на природопользование в бассейновых геосистемах (2, с. 72).

Впрочем, много интереснее предложенный П. Я. Баклановым и С. С. Ганзеем подход к исследованию трансграничных территорий, включающий трансграничный диагностический анализ, в ходе которого «выделяются основные экологические проблемы в разных частях геосистемы и определяются пути их решения. На втором этапе выполняется функциональное зонирование территории — всей трансграничной бассейновой геосистемы. Схема подобного зонирования следующая. На основе природно-ресурсного районирования выделяются и оцениваются территориальные природно-ресурсные системы и варианты их освоения. Проводится оценка устойчивости отдельных частей и звеньев геосистемы. Определяются экологические ограничения. Наложение всех подобных территориальных оценок позволяет выделить функциональные зоны — участки территории с определением для них приоритетных и допустимых видов природопользования в целом» (2, с. 77–78).

Казалось бы, здесь следовало переходить к применению предложенного методологического подхода к исследованию Амурского бассейна, который авторы рассматривают как «крупнейшую единую, целостную географичес-

кую систему (геосистему, экосистему)» (2, с. 102), но вместо этого авторы решают другую задачу: определение этапов и тенденций развития землепользования в бассейне Амура. В ходе решения этой задачи было выделено пять этапов и сформулировано весьма спорное утверждение: «основными типами землепользования, сложившимися в российской и китайской частях бассейна Амура, являются сельскохозяйственное и лесохозяйственное. Эти же виды землепользования выступают основными факторами, преобразующими природные и природно-ресурсные системы в бассейне Амура» (2, с. 102).

Интересно, а как быть с промышленностью и жилищно-коммунальным хозяйством?

Глава четвертая «Состояние окружающей среды и природоохранные мероприятия в приграничных районах Китая и южной части российского Дальнего Востока» насыщена фактическим материалом, дающим представление о масштабах и характере антропогенного воздействия в провинциях Хэйлунцзян, Цилинь и Автономном районе Внутренняя Монголия по одну сторону государственной границы, и в Приморском, Хабаровском краях, Амурской и Еврейской автономной областях — по другую.

Не случайно приведен полный список административно-территориальных единиц КНР и РФ, ибо именно в разрезе этих территориальных образований идет анализ состояния окружающей среды, что вызывает определенные сомнения. Во-первых, до этого речь шла об Амурском бассейне, а такие административно-территориальные единицы, как Автономный район Внутренняя Монголия, Хабаровский и Приморский края, никоим образом не вписываются в границы бассейна. Во-вторых, задолго до появления рецензируемой работы Л. С. Бергом сформулировано: «Излишне распространяться, что описание областей, выделенных на основании административных или политических границ, является ненаучным: страноведение имеет дело с естественными ландшафтами» [4, с. 11].

Конечно, можно сказать, что классик излишне категоричен, и статистические данные по интересующей проблеме возможно получить именно в разрезе административно-территориальных единиц. И все-таки вопросы остаются. Как и остаются вопросы относительно сюжета: трансграничные градиенты. То, что существует проблема оценки различия однородных показателей по обе стороны границы, вряд ли подлежит сомнению. И можно согласиться с мнением авторов, что трансграничные градиенты дают такую возможность, но неясно, почему, когда речь заходит о разработке программ устойчивого природопользования в трансграничных территориях, эти градиенты исчезают?

Пятая глава «Устойчивое природопользование на трансграничных территориях» интересна в первую очередь двумя сюжетами: первый — функци-

ональное зонирование, выполненное для периферийной зоны Ханкайской трансграничной территории, и второй — структура программы устойчивого природопользования на трансграничных территориях.

При этом функциональное зонирование в качестве основной цели преследовало «выделение зон для определенных типов хозяйственного использования с учетом специфики природно-ресурсной и ландшафтной структуры территории, перспектив хозяйственного освоения, существующих, возможных и необходимых ограничений антропогенной деятельности, природоохранных задач» (2, с. 174). И действительно, в этом качестве функциональное зонирование можно считать «конструктивным дополнением ландшафтного планирования» (2, с. 174).

Что же касается второго сюжета, то здесь больше вопросов, чем ответов. Во-первых, трудно согласиться с тем, что основная цель программы может включать «анализ экологического состояния трансграничной территории (бассейна)» (2, с. 181). Ибо анализ — не более чем общенаучная методология, и если уж он упомянут, то хотелось бы узнать, почему нет синтеза? Но, кроме «анализа», в основную цель программы включены и мероприятия «по улучшению и сохранению высокого качества окружающей среды и воспроизводству возобновимых природных ресурсов трансграничных регионов в целом, разработка рекомендаций по улучшению и сохранению высокого качества окружающей среды и уникального биоразнообразия региона» (2, с. 181). Здесь, как минимум, возникает вопрос: а окружающая среда каким-то образом имеет отношение к геосистемам, которые, как было выяснено выше, синонимы речных бассейнов?

Вслед за основной целью в структуре программы выделены 17 разделов, в названиях которых преобладают «анализ» и «оценка», и лишь в самом конце перечня мы находим «Подготовка конкретных мероприятий по улучшению и сохранению высокого качества окружающей среды, воспроизводству возобновляемых природных ресурсов» (2, с. 183) и «Подготовка организационных предложений с целью эффективной реализации рекомендаций программы» (2, с. 184).

В результате возникает ощущение (возможно, ошибочное, ибо рецензент далеко не всезнающ), что мы имеем дело не столько с программой как управленческим документом, сколько с исследовательской программой. Эти ощущения обусловлены следующим:

- во-первых, отсутствием декомпозиции «основной цели», как по видам деятельности, так и по территории (т. е. по тем самым территориальным образованиям, которые были получены в ходе функционального зонирования);
- во-вторых, принципиальным отказом от выделения временного горизонта программы в целом и ее отдельных этапов;

- в-третьих, не менее принципиальным отказом от рассмотрения объемов необходимых ресурсов на реализацию программы.

Поэтому не случайно, что в результате выполнения программы ее авторы предполагают получить:

- полные, дифференцированные по районам оценки состояния и антропогенной нарушенности отдельных компонентов окружающей среды... ;
- комплексную оценку природно-ресурсного потенциала региона и тенденций его динамики;
- многоуровневое, многоцелевое членение территории бассейна, зонирование и районирование по различным экологическим параметрам;
- прогнозные оценки экологических угроз и тенденций изменения экологического состояния региона;
- выявление системы территориально-экологических ограничений на различные типы природопользования;
- создание геоинформационной системы для региона;
- создание унифицированной нормативно-правовой основы природопользования;
- разработку комплекса рекомендаций по улучшению и сохранению... ;
- создание международной комиссии по координации природопользования и решению экологических проблем (2, с. 184).

Если эти предполагаемые результаты сопоставить с «основной целью» и утверждением авторов, что «реализация программы может дать странам и их приграничным территориям значительный экономический эффект», то возникает вопрос: каким образом?

Ибо «сокращение затрат на очистку почвы, воды, воздуха; снижение заболеваемости населения по причине загрязнения окружающей среды; увеличение количества и качества природных ресурсов... более рациональное использование... ресурсов, сокращение их потерь; улучшение качества и количества питьевой воды и продуктов питания, производимых в регионе» могут быть достигнуты и без специальной программы.

Заключительная глава «Геополитические проблемы и предпосылки международного сотрудничества в трансграничных территориях» как бы «закольцовывает» тему: читатель вновь возвращается, но на ином уровне, к проблеме трансграничности. В частности, анализируются различные варианты геополитических отношений соседних стран и приводится их типология. Рассматриваются предпосылки роста геополитических интересов различных стран к бассейну Амура.

Наконец, «Заключение», фрагмент которого рецензент посчитал возможным привести в качестве заключения уже своей работы: «Если проследить за характером свойств территории страны от центра до ее окраин, можно отме-

тить следующую закономерность. По направлению к государственной границе ослабевает влияние (экономическое, гуманитарное) центра и нарастает периферийность. Одновременно усиливается влияние структур и функций государственной границы и соседней страны. Подобное влияние в обобщенной форме можно назвать влиянием трансграничности. Оно имеет прежде всего географическое содержание, так как реализуется в территориальных структурах. Следовательно, на приграничных территориях растет эффект трансграничности, различные его проявления. Они во многих случаях выступают важными факторами регионального развития, хотя изучены еще недостаточно. Все это составляет большую научную и практическую значимость изучения трансграничных территориальных структур и процессов» (2, с. 201).

К этому следует добавить лишь то, что трансграничность имеет не только географическое содержание, скорее всего, это область междисциплинарных исследований, чему свидетельство — рецензируемая работа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакланов П. Я.* Контактные географические структуры и их функции в Северо-Восточной Азии // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2000. № 1.
2. *Бакланов П. Я., Ганзей С. С.* Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008.
3. *Бакланов П. Я., Ганзей С. С.* Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2004. № 4.
4. *Берг Л. С.* Предмет и задачи географии // Известия РГО. 1915. Вып. 9.
5. *Ганзей С. С.* Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая. Владивосток: Дальнаука, 2004.
6. *Гетнер А.* География, ее история, сущность и методы. Л.—М., 1930.
7. *Гладкий Ю. Н.* Гуманитарная география в начале XXI в.: к методологии научного познания // Известия РГО. 2007. Вып. 4.
8. *Вишневский Д. С., Демьяненко А. Н.* О гуманитарной географии и не только... // Известия Русского Географического общества. 2008. Вып. 4.
9. *Исаченко А. Г.* О гуманитарной географии, геосистеме, ландшафте и терминологическом фетишизме (по поводу статьи Ю. Н. Гладкого) // Известия РГО. 2008. Вып. 1.
10. *Книпович Б. Н.* Сельскохозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925.
11. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Общая часть // Торговля и промышленность Европейской России по районам. Общая часть. СПб., 1910.
12. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Район и страна. М.—Л.: Госиздат, 1928.
13. *Сочава В. Б.* Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978.

Мегарегионы в евразийском социально-экономическом пространстве: перспективы трансформации, интеграции и развития

3—4 июня 2009 г. на базе Института экономики УрО РАН состоялся круглый стол «Макрорегионы в евразийском социально-экономическом пространстве: перспективы трансформации, интеграции и развития». Вдохновителями этого круглого стола стали председатели сразу трех объединенных региональных ученых советов по экономическим наукам — акад. РАН А. И. Татаркин (УрО РАН), акад. РАН В. В. Кулешов (СО РАН) и акад. РАН П. А. Минакир (ДВО РАН).

В рамках круглого стола принимающей стороной (Институт экономики УрО РАН) была организована выставка своих достижений, представлена презентация «Основные направления исследований в рамках научных школ Института экономики УрО РАН», а также совместной фундаментальной монографии «От идей Ломоносова к реальному освоению Урала, Сибири и Дальнего Востока», которая сразу же получила высокую оценку участников.

В презентации основных направлений научных исследований и достижений Института экономики УрО РАН заместитель директора института *Ю. Г. Лаврикова* в содержательно емкой, но лаконичной форме представила весь спектр исследований, которые ведутся и будут продолжаться в ближайшие годы в институте, научные школы. Из ее доклада сразу же стало ясно, насколько большое значение придается учеными института и, в частности, ключевой уральской экономической школой, возглавляемой А. И. Татаркиным, проблеме трансформации, интеграции и развития макрорегионов в евразийском социально-экономическом пространстве, проблемам, которые можно решить только в тесной кооперации с ближайшими европейскими соседями, сибирскими и дальневосточными коллегами.

После презентации было сделано несколько важных для уяснения ключевых направлений кооперации докладов, которые сопровождались интереснейшим иллюстративным материалом и оживленными дискуссиями.

Так, чл.-корр. РАН, директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН *В. Н. Лажнецев* (г. Сыктывкар) представил собравшимся два обстоятельных доклада: «Основные направления и результаты исследования социально-экономических и энергетических проблем Севера» и «Север в пространственном развитии России». В них была всесторонне раскрыта проблема специфики Севера, заключающаяся, по мне-

нию докладчика, не столько в холодовой дискомфортности, периферийности, недостаточной освоенности, сколько в северном удорожании, низкой инновационности действующих и планируемых производств, неэквивалентности обмена и др. Было обращено особое внимание на проблемы сохранения уникальных природных северных ландшафтов, северных историко-культурных ядер, потребность устойчивого воспроизводства биоразнообразия и биоресурсов Севера для долгосрочного народнохозяйственного планирования. Для этого, по мнению докладчика, требуется учитывать также разнообразие северных регионов и научное обоснование не двух (как в настоящее время), а трех северных зон: Арктики, Дальнего и Ближнего Севера. Именно с учетом такого обоснования должна осуществляться реализация приоритетных транспортных народнохозяйственных проектов, интегрирующих регионы: железнодорожных проектов «Белкомур», «АЯМ» (Беркамит — Томмот — Якутск), «Баренцкомур» (Индига — Приобье — Сургут), Северо-Сибирской магистрали; автодорожных проектов, например: Невер — Якутск и Салехард — Сургут — Тюмень. В плане анализа перспектив внешнеэкономических отношений северных территорий докладчиком данные территории были представлены в мировой блочной структуре, что позволило увидеть присутствующим «векторы растаскивания» отечественных северов международными интеграционными объединениями. Защититься от этой опасности можно лишь укрепляя внутренние межрегиональные взаимосвязи. Одним из конкретных выходов из создавшегося положения, по мнению докладчика, может быть создание мегаструктур меридионального направления, то укрепление интеграции, ради которого собрались участники круглого стола.

Та же обеспокоенность присутствовала в докладе заместителя директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН) чл.-корр. РАН *В. И. Сулова* (г. Новосибирск). Его доклад «Подходы к разработке и согласованию стратегий экономического развития макрорегионов страны» наглядно продемонстрировал те тенденции, которые обозначились в последнее время в административно-территориальном делении азиатской части страны. Так, если в 1960-е гг. от Восточной Сибири к Дальнему Востоку перешла территория Якутии, то в 2008 г. — Байкальский район, поэтому в Стратегии развития Дальнего Востока в настоящее время требуется учет и этой вновьявленной административно-территориальной единицы. Что это: потребность в обеспечении внутристрановой устойчивости за счет создания нового мегарегиона или следствие экзогенных факторов? — необходимо выяснять ученым. Для решения возникших проблем экономики Сибирско-Дальневосточного региона докладчиком была предложена очень интересная оптимизационная межрегионально-межотраслевая математическая модель (ОМММ), в которой учитывается весь спектр межрегиональных и межотраслевых взаимосвязей, включая параметры эффективности существующей и потенциальной инфраструктуры. В этом последнем контексте был отмечен интерес Сибирского региона к Северо-Российскому варианту железной дороги, которая, по мнению Виктора Ивановича, должна идти не через Серов,

как это предполагают современные проекты, а севернее — через Ивдель и далее к порту Индига.

В докладе председателя Объединенного ученого совета по общественным наукам ДВО РАН, акад. РАН *П. А. Минакира* (г. Хабаровск) «Региональное стратегическое планирование» речь шла о значимости проблемы пространственной диспропорции восточных территорий по отношению к иным территориям Российской Федерации, что на данном этапе создает серьезное препятствие для устойчивого экономического роста и социального равновесия страны в целом.

Пространственная дифференциация, по мнению докладчика, не есть следствие ошибочной политики. Она является естественным результатом действия рыночных критериев распределения и есть не что иное, как классический «провал рынка». Поэтому вопросы определения стратегии Дальнего Востока и его интеграции с другими территориями должны обязательно решаться с учетом данного фактора.

В фундаментальном отношении необходима выработка долгосрочной стратегии развития Тихоокеанской России, обеспечивающей ее собственное эффективное социально-экономическое функционирование, а также формирование эффективного кооперационного пространства, общего для России и стран АТР.

В Институте экономических исследований ДВО РАН (ИЭИ ДВО РАН), возглавляемом *П. А. Минакиром*, концепция такой стратегии уже создана, равно как и разработаны сценарии развития отраслевых комплексов Дальнего Востока на перспективу до 2030 г. с учетом интеграции со странами Северо-Восточной и Восточной Азии. При этом выявлен низкий комплексирующий и мультиплицирующий эффект крупных энергетических проектов ресурсной направленности. Доказано, что сильная зависимость от уровней спроса стран-потребителей не обеспечит динамической устойчивости экономики Дальнего Востока, более того, она повышает риски нарушения динамического равновесия при появлении отрицательных шоков внешнего спроса.

В содокладе ученого секретаря ИЭИ ДВО РАН, д-ра экон. наук *О. М. Прокапало* (г. Хабаровск) собравшимся были представлены основные направления и впечатляющие результаты научных исследований вышеуказанного института.

Еще один доклад коллеги-дальневосточники посвятили теме «Общее и различия в развитии Урала, Сибири и Дальнего Востока». Его сделал главный научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, д-р геогр. наук *А. Н. Демьяненко* (г. Хабаровск). В нем докладчик акцентировал внимание на проблеме несоответствия экономико-географического и административного подходов при разграничении и перераспределении территорий субъектов Российской Федерации. Для научного решения таких проблем требуется системный анализ, учитывающий геополитический статус территорий, специфику их инфраструктуры, производительных сил, исторические особенности формирования региональной экономики, степень взаимного экономического тяготения регионов друг к другу

и др. Была также подчеркнута важность более активного привлечения к решению проблем межрайонной интеграции и кооперации пространственно-экономических подходов. В этой связи научному сообществу представлен очень интересный и содержательный журнал, издаваемый ИЭИ ДВО РАН, — «Пространственная экономика».

С большим вниманием и интересом собравшиеся заслушали доклад и руководителя отдела территориальных систем ИЭОПП СО РАН (г. Новосибирск), д-ра экон. наук *С. А. Суспицына* «Методология оценки влияния экономического и финансового кризиса на параметры Стратегии регионального развития (на примере Сибири)».

В нем один из ведущих в стране специалистов по экономико-математическому моделированию на примере Новосибирской области поведал об опыте оценки последствий влияния финансового и экономического кризиса на развитие Сибирского региона. В ходе обсуждения докладчиком были проанализированы три возможных сценария долгосрочного развития Новосибирской области в условиях кризиса: сценарий мягких последствий кризиса (мягкий сценарий), сценарий с глубоким прорастанием кризиса (жесткий сценарий) и сценарий, по ироничному выражению *С. А. Суспицына*, «для полных пессимистов, или МА-сценарий (малого апокалипсиса)». Этот последний случай, по мнению докладчика, вероятен в ситуации углубления мирового кризиса и продолжения его в 2009–2010 гг. На региональном уровне тогда становится реальным переход от модели развития к модели выживания, последствия чего в деталях были проиллюстрированы на примере экономико-математических расчетов для Новосибирской области.

В целом присутствующим был продемонстрирован богатый инструментарий стратегического прогнозирования пространственного развития территорий, имеющийся у ИЭОПП. Он включает комплекс межрегиональных межотраслевых моделей (оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели (ОМММ), модели экономического взаимодействия регионов); комплекс региональных макроэкономических моделей «СИРЕНА-2М», включающий прогнозные макромоделли оценки направлений и приоритетов государственной региональной политики, мониторинговые системы развития регионов РФ, методики измерения пространственных трансформаций экономики РФ; прочие процедуры и алгоритмы организации иерархических прогнозов пространственного социально-экономического развития РФ. Для демонстрации этого потенциала были представлены также результаты прогноза в ОМММ перспектив Дальневосточного федерального округа при избрании им инновационного сценария развития. Оказалось, что в этом случае Дальний Восток не только не утратит своего положения в РФ, но и получит приоритетное развитие юг Дальнего Востока, тем самым его роль как опорной территории развития всего региона только возрастет. В то же время укрепится потенциал саморазвития и других регионов Дальнего Востока. Присутствующие высоко оценили возможности сибиряков для оценивания различных вариантов и сценариев межрегиональной интеграции.

Представители УрО РАН также не остались в долгу у своих сибирских и дальневосточных коллег. Во второй день круглого стола ими было сделано еще два блестящих доклада. Первый из них — «Мировой опыт развития мегарегионов» — представила руководитель Центра развития человеческого потенциала д-р экон. наук *Е. Л. Андреева*, а второй — «Транспортные и энергетические факторы интеграции территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока» — руководитель Центра развития и размещения производительных сил Института экономики УрО РАН д-р техн. наук *М. Б. Петров*.

В первом докладе было констатировано, что в действительности мегастатус может иметь и небольшая территория, которая сосредотачивает в себе деятельность по обеспечению производства или движения глобальных потоков товаров и услуг. Таким образом, важен не столько географический, сколько экономический масштаб или закреплённый статус региона. Во многом это зависит от избранной стратегии организации экономической деятельности того или иного локалитета: его притягательной привлекательности (аттракции), способности ускорять динамику проходящих через него потоков капитала, приумножать применяемые методы и инструменты хозяйствования.

Эти подходы были проиллюстрированы на примере модели европейского пространственного развития, а затем и азиатских регионов. В частности, докладчиком было отмечено, что будущность Евросоюза базируется на полицентричной модели, цель которой — создание на пространстве ЕС полицентричной городской системы, продвижение системы развития транспорта и коммуникаций (обеспечивающей равный доступ к инфраструктуре и информации на всей территории Евросоюза), развитие и сохранение культурного наследия. Было указано также, что развитие инфраструктуры в рамках такой модели позволит:

- создать на пространстве ЕС несколько центров глобальной интеграции;
- усилить сбалансированность системы регионов-метрополий и городских трансграничных кластеров;
- создать интегрированные модели развития городов и прилегающих сельских территорий;
- усилить развитие сотрудничества на сетевом принципе по ряду вопросов (образование и наука, развитие культурного наследия, местный транспорт, интеграция новых мигрантов) между территориями, наиболее удалёнными друг от друга и имеющими наибольшие отличия в уровнях и типе развития.

Вместе с тем для Центрально-Азиатского макрорегиона, или Большой Центральной Азии, уготована иная роль, которую обязательно нужно принимать во внимание при рассмотрении проблем внутрисредосредской интеграции и трансформации макрорегионов. В соответствии с разработками, прежде всего, североамериканских геополитиков, одним из системообразующих элементов развития Большой Центральной Азии стало распространение ислама, а также создание буферной зоны между мировыми империями нового и новейшего времени. В этом аспекте нынешняя Большая Центральная Азия (бывшие

республики южного пояса СССР, северные регионы Ирана и Афганистана, Монголия, а также южносибирские окраины России и часть Поволжья) формируется как один из центров мирового соперничества за природные ресурсы, солидный человеческий потенциал и выгодные торговые маршруты между Европой и Южной Азией, а также восточными анклавами АТР. Отсюда следуют такие выводы: макрорегионы пространственно локализуются в сфере влияния центров управления и концентрируют на своей территории всю полноту и комплексность инфраструктур, позволяющих им обслуживать управление развитием макрорегиона, стимулировать инновационную деятельность, поддерживать заданную интеграцию макрорегионов в глобальный мир, какой бы статус им ни был предписан. В целом формирование крупных межрегиональных образований должно способствовать выходу макрорегионов на внешние и внутренние рынки.

В заключительном докладе *М. Б. Петрова* были многопланово рассмотрены транспортные и энергетические факторы интеграции территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Было указано, что серьезные проблемы в данной сфере обусловлены неравномерностью территориального распределения энергоресурсов, концентрацией производства электроэнергии, различием в режимах работы генерирующих базисных и маневренных мощностей, эффектами совмещения суточных графиков, связанных с часовыми поясами. Велико влияние зависимости значительных территорий и от источников и схем электроснабжения, дислоцированных в сопредельных регионах. Из всего этого был сделан вывод о том, что в стратегическом аспекте при решении интеграционных и межрегиональных проблем необходимо обеспечение устойчивого функционирования и развития энергосистем в соответствии с потребностями регионов, а также подготовка условий для организации крупномасштабного энергетического строительства на долгосрочную перспективу. При существующем уровне инновационных разработок в сфере энергетики это предполагает: продолжение строительства АЭС и КЭС на угле для загрузки по плотному графику, использование газа в энергетике преимущественно для ТЭЦ в городах, развитие гидроэнергетики на Востоке страны и тепловой энергетики на попутном газе в качестве маневренных источников, более интенсивное развитие теплофикации, сетевой инфраструктуры, местной и малой энергетики, энергосбережения. В целом необходимы обязательные меры по оптимизации топливно-энергетического баланса.

По завершении круглого стола было подписано соглашение о сотрудничестве, в котором три региональных объединенных совета по экономическим наукам взяли на себя ответственность за координацию проводимых совместно научно-исследовательских работ, научное сотрудничество и повышение теоретической и практической эффективности совместных разработок. Стороны также договорились об обмене информацией, о подготовке кадров и обмене учеными и специалистами на основе взаимной выгоды, синхронизации процедуры разработки и конкурсного отбора интеграционных проектов между региональными отделениями РАН.

Главным же предметом данного соглашения стала интеграция с целью координации решения вопросов, связанных с повышением результативности научных исследований, выполняемых в рамках совместных проектов СО, ДВО и УрО РАН, выявление закономерностей развития и трансформации социально-экономических систем Урала, Севера и Востока России (Урал, Сибирь, Дальний Восток, Арктическая зона) в условиях вызовов XXI в., перехода на инновационный путь развития и интеграции в систему мирохозяйственных связей.

В. В. Литовский

Роль науки в преодолении финансово-экономического кризиса и дальнейшем развитии России

В конце мая 2009 г. состоялись традиционные общие собрания Отделения общественных наук Российской академии наук (ООН РАН) и всей Российской академии наук (РАН) в здании Президиума РАН в г. Москве. Оба эти мероприятия были в целом посвящены проблемам выхода России из финансово-экономического кризиса и определения путей дальнейшего развития страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Как всегда, эти научные форумы внесли весьма существенный вклад в укрепление роли научных исследований в совершенствовании социально-экономического потенциала страны и обеспечении его стабильности и устойчивости при возникающих различного рода изменениях как внутренних, так и внешних условий развития.

Повестка дня общего собрания ООН РАН включала следующее:

I. О деятельности Отделения общественных наук РАН в 2008 г. — докладчик акад. *В. С. Степин* (см.: Отчет о научной и научно-организационной деятельности начных учреждений за 2008 г. ООН РАН. М., 2009 с.).

II. Развитие мирового экономического кризиса и его последствия в России.

1. Пути преодоления экономического кризиса и его последствий в России — докладчик акад. *Н. Я. Петраков*.

2. Перспективы послекризисного развития России — докладчик акад. *В. В. Ивантер*.

3. Особенности антикризисной политики в России — докладчик — д-р экон. наук *В. В. Симонов*.

4. Финансово-экономический кризис в США: уроки и последствия — докладчик чл.-корр. РАН *С. М. Rogov*.

Третий и четвертый вопросы собрания были посвящены очередным выборам ряда директоров институтов и обсуждению докладов.

В своем докладе акад. *Н. Я. Петраков* подверг серьезной критике политику поддержки правительством в предкризисные годы высокопрофицитного бюджета и вывода накопленных средств под прикрытием так называемого «Стабилизационного фонда» за рубеж, что смотрелось для научной общественности, да и для всего мира, как некая слегка завуалированная форма «оффшорной зоны». Последствия такой политики — резкое сжатие денежной массы внутри страны; принуждение бизнес-структур к заимствованию кредитов в зарубежных банках и огромное накопление к настоящему времени их долгов; чрезвычайно высокий уровень инфляции; непомерно высокий банковский процент по кредитам для рядовых граждан страны и их долги и т. д. К сожалению, в этой политике все было поставлено с «ног на голову», несмотря на активное сопротивление экономической науки. Самое главное сейчас — это проблемы «длинных денег», долгосрочных кредитов, в решении которых не поможет накопленная «кубышка», которой едва хватает для «затыкания дыр» в текущем развитии страны. А ведь прекрасно понятно, что без «длинных денег» невозможен переход к инновационно-технологическому развитию. Так что протекающий кризис капитализма в мире усугубляется в нашей стране еще и трудностями в обеспечении массового долгосрочного кредитования инновационно ориентированных структур. В этом плане наряду с коммерческими банками необходимо укрепление системы банков долгосрочного развития, которые широко используются во всем мире. Кроме того, рынок — это прежде всего конкуренция, а не просто монопольная частная собственность. Обеспечение сверхприбыли, монополизм, сверхдоходы акционеров, рейдерство, сговор на всех уровнях управления и т. д. — это наша действительность, это российская «специфика» рыночных отношений. Понятно, что главный выход из ситуации с высокой безработицей — это прежде всего обеспечение мобильности населения. Но именно эти, даже зачаточные, механизмы мобильности были прежде всего уничтожены в начальный период нынешних «реформ», и теперь их восстановление требует огромных вложений. То же можно сказать и о налоговой системе страны, которая использует в основном устаревшие фискальные механизмы, тогда как во всем мире осуществляется ускоренный переход к стимулирующим методам налогообложения. Экономическая наука разработала действенные механизмы вывода страны из создавшейся кризисной ситуации, но для этого руководству страны необходимо повернуться лицом к ее предложениям и последовательно внедрять их в хозяйственную практику.

Акад. *В. В. Ивантер* поддержал основные выводы предыдущего докладчика и еще раз подчеркнул, что профицит бюджета — этот нонсенс. Нормальным является дефицитный в разумных пределах бюджет, ставящий все хозяйствующие субъекты перед необходимостью строжайшей экономии затраченных средств. Действительно, сложившаяся социально-экономическая система в России не похожа на мировую, но хорошо ли это? Ведь и на самых ранних этапах преобразований в стране было понятно, что необходимо срочно переориентировать инвестиции с природно-ресурсного сектора на инновационный, о чем неоднократно напоминала экономическая наука. Но только сейчас, когда текущий

кризис «ударил» по реализуемой хозяйственной политике, эта переориентация рассматривается как некое «откровение». Но весь капиталистический мир идет именно по этому пути, т. к. другого пути просто нет. Стоило только немного повыситься мировым ценам на нефть, как в стране снова оживились разговоры, поддерживающие иллюзии о стабильности хозяйственного развития и принятого политического курса. Говорят, что мы вышли из кризиса. Но что это значит? Как мы узнаем об этом? Утверждают, что по темпам роста ВВП. Если антикризисные меры будут реализованы в полной мере, на что хотелось бы, но трудно надеяться, то в 2010 г. рост ВВП будет 5%. Но достаточно ли этого для нормального развития страны? А если ситуация сложится по известному принципу «хотели как лучше, а получилось как всегда», то мы выйдем на нулевые темпы роста, если не на экономическую стагнацию. Конечно, в этой ситуации нужно направить все силы на реализацию антикризисной программы, даже если она и вызывает определенные сомнения, но одновременно с этим нужно серьезнейшим образом работать с бизнес-сектором, чтобы создать для него строгие правила и послать внятные сигналы для его действий на пользу обществу, а не только для удовлетворения собственных интересов.

Д-р экон. наук *В. В. Симонов* в своем докладе акцентировал внимание на том, что в условиях сложившегося кризиса нужен, прежде всего, правильный «диагноз» проблемы, который может дать только строгая экономическая наука. Этот кризис — не только финансовая проблема, это кризис действующих моделей социально-экономического развития. Действительно, на Западе это очередной глубокий кризис капитализма, а что происходит в России — непонятно, т. к. постоянно утверждается, что страна имеет какой-то свой «особый путь» развития в капитализме. Но почему тогда, если судить по конечным показателям улучшения уровня и качества жизни, все почти 20-летние реформы по развитию капитализма в России принесли только негативные результаты для подавляющей массы населения страны? В текущем году продолжается кризис в России, но кризис чего? На что направлены меры по выходу из кризисной ситуации? Они действительно кардинальны или только «штопают дыры» в текущей политике? Если оценить совокупные затраты на эти мероприятия, то оказывается, что порядка 73% этих мер финансируется из государственного бюджета, т. е. из средств налогоплательщиков страны, которые и так несут на себе основную тяжесть этого кризиса. Сейчас модны разговоры о поддержке малого бизнеса в стране в период кризиса. Но что представляет собой этот малый бизнес? Ведь в России более 70% этого бизнеса — это торгово-спекулятивные предприятия, остальное хоть как-то может быть отнесено к инновационной сфере. Но в мире пропорция обратная — там только порядка 30% малого бизнеса ориентировано на торговлю, остальное — на инвестиционно-технологическое развитие. В данном случае российские реформаторы противоречат сами себе, с одной стороны утверждая, что у страны свой «особый путь» развития, а с другой — копируя антикризисные меры с Запада. Например, поддержка автопрома в России полностью скопирована с Запада. Но на Западе этот автопром направлен на агрессивный экспорт, а в России

он до сих пор представляет собой неконкурентоспособную отрасль даже для внутреннего потребления. Нет строгого порядка в налоговой системе, которая по-прежнему ориентируется на усиление налогообложения основной массы трудящихся страны, усугубляя тем самым конечное потребление. Создание практически бесконтрольных в финансовом и административном плане госкорпораций на самом деле ведет к завуалированной форме национализации народной собственности. Но здесь, к сожалению, просматривается желание ее использования не столько в общественных интересах, сколько для усиления государственного (читай — корпоративного) монополизма. В итоге можно констатировать, что в проводимой хозяйственной политике и антикризисных мерах превалирует скорее субъективный, а не объективный подход. Реальный выход из этой ситуации может дать только экономическая наука.

Чл.-корр. РАН С. М. *Рогов* рассматривал в своем докладе опыт преодоления финансово-экономического кризиса в США и его уроки и последствия для использования в хозяйственной практике России. Отмечая существующие проблемы развития капитализма в США (падение курса доллара, высокий государственный долг, милитаризация экономики и внешней политики и др.), докладчик также подчеркнул достаточно прогрессивную программу антикризисных мероприятий и перспектив дальнейшего развития страны, которую реализует нынешний президент страны Барак Обама. Его ориентация на разработку и внедрение новой модели американского капитализма больше похожа на переход к социально-демократической модели, которую значительно более интенсивно уже использует, например, ряд европейских стран. Это подтверждает и усиление госрегулирования экономики, и возрастание госрасходов на социальную поддержку населения (медицину, здравоохранение и пенсионное обеспечение) и его потребительского потенциала. Расходы на науку и стимулирование инновационно-технологического развития в следующем бюджетном году, например, несмотря на все проблемы существующего кризиса, в США значительно увеличиваются. Что касается налоговой системы, то она в США уже давно опирается в основном на природную ренту. В перспективе она становится все более стимулирующей разумное сокращение затрат за счет технического перевооружения предприятий и роста производительности труда и направленной на природосберегающее хозяйствование инновационного типа. Использование в разумных пределах положительного американского опыта в российской практике может дать примеры действующих механизмов вывода страны из кризисных ситуаций и ее дальнейшего эффективного развития.

Доклады на общем собрании ООН РАН активно обсуждались ведущими учеными и специалистами РАН и приглашенными участниками заседания. Общее собрание приняло следующее постановление:

1. Признать работу ООН РАН за 2008 г. удовлетворительной.
2. Считать целесообразным усиление координации работы секции при выполнении программ фундаментальных научных исследований Президиума РАН и ООН РАН.
3. Ввести в практику проведение межсекционных круглых столов по на-

ибо более актуальным проблемам развития России в контексте современных мировых процессов.

4. Создать временную рабочую группу по мониторингу и анализу проводимых Правительством РФ антикризисных решений. Результаты анализа в форме аналитических записок и предложений регулярно и своевременно направлять в Президиум РАН, в правительственные организации.

5. Особое внимание обратить на привлечение и закрепление в институтах талантливой научной молодежи.

6. Усилить пропаганду достижений российской науки как на страницах периодической печати, так и через интернет-сайты институтов.

Программа работы общего собрания Российской академии наук, которое состоялось 26 мая текущего года, включала следующее:

I. Вступительное слово президента РАН акад. Ю. С. Осипова.

II. Утверждение отчета о деятельности РАН за 2008 г. и принятие постановления. Сообщение главного ученого секретаря Президиума РАН акад. В. В. Костюка.

III. Общая дискуссия.

В повестку собрания также были включены вопросы текущей жизни РАН и сообщения о работах, удостоенных в 2008 г. Большой золотой медали РАН имени М. В. Ломоносова и других золотых медалей имени выдающихся ученых.

Материалы данного отчетного собрания чрезвычайно объемны, и их трудно отразить в сжатой форме. К этому заседанию были выпущены два тома материалов, которые включали в себя основные результаты исследований и научно-организационной работы, осуществленных РАН в 2008 г. (см.: Отчетный доклад Президиума Российской академии наук. Научные достижения РАН в 2008 году. М., 2009; Отчетный доклад Президиума Российской академии наук. Научно-организационная работа Президиума РАН в 2008 г. М., 2009). Эти материалы охватывают все направления НИР РАН, включая и общественные науки, в т. ч. — экономические. Что касается последних, то в отчет были включены следующие рубрики НИР: 1) Методологические проблемы экономической теории и становления экономики, основанной на знаниях; 2) Теория и методы экономико-математического моделирования сценариев социально-экономического и инновационного развития РФ; 3) Комплексное социально-экономическое прогнозирование развития РФ; 4) Проблемы и механизмы обеспечения экономической, социальной и экологической безопасности РФ; 5) Научные основы региональной политики и устойчивое развитие регионов и городов.

В целом можно отметить, что оба недавно прошедшие общие собрания ООН и РАН внесли весьма заметный вклад в укрепление роли науки в современном развитии российского общества и в совершенствование направлений его дальнейшего эффективного развития.